

12+ МИЛОМ ЗАЙЧИКЕ
В КУДРЯШКАХ

Коршун Илья Корпушов

Илья Корпушов

О милом зайчике в кудряшках

<https://litres.ru/74156739>

ISBN 9785007030861

Аннотация

«О милом зайчике в кудряшках» — это нежная, сотканная из лунного света, история о любви, которая не знает имён, рамок и местоимений. Зайчик с вечно румяными щеками, ямочками и острыми резцами — собирательный образ самой любви, той, что живёт в сердце каждого. Она не перевернёт ваше представление о литературе, но может согреть в метель, если вы позволите себе в неё поверить. Особенно если ты встретил своего зайчика в кудряшках или только надеешься встретить.

Содержание

Предисловие	5
Лунный горизонт	8
О милом зайчике в кудряжках	12
Я тебя нашла...	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

О милом зайчике в кудряшках

Илья Коршун Корпушов

Дизайнер обложки Катя Баландина

© Илья Коршун Корпушов, 2026

© Катя Баландина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3086-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

**Его не обязательно читать
(но если прочтёшь — пурга
станет чуть теплее).*

Прежде чем ты погрузишься в эту лунный горизонт, в этот замшелый камень, в этот кусочек лосося, который делят на двоих... я хочу сказать тебе несколько слов. Тихих. Как снежинки на ресницах.

Эту историю мне однажды прошептал ветер. Или, может быть, озеро подо льдом. Я не уверен. Знаю только, что в ней живёт зайчик. Пушистый, с вечно румяными щеками, с ямочками, куда можно спрятать по капельке счастья, с острыми резцами, которые мелькают в улыбке. С кудряшками, пахнущими мятой и снегом. С глазами-озёрами, в которых можно утонуть. И его любовь, девушка ставшая очагом.

Это не случайность.

Когда я пишу, я представляю себе, как у любого человека сердце начинает биться медленнее, когда любимый проводит рукой по древнему мху. Как пальцы становятся теплее, когда кто-то рядом произносит: «Смотри, эта шишка помнит лето». Как трепещут ресницы, когда чувствуешь неловкость. И как хочется разделить последний кусок рыбы не из-за необ-

ходимости, а потому что иначе просто не можешь.

Ты спросишь: «Но кто же этот зайчик? Девушка? Парень? Волшебное существо?»

А я отвечу: тот, кого ты видишь.

Потому что любовь, которой дышит этот текст, не знает граф. Она не требует грамматического рода. Она приходит лунной пургой — и ей всё равно, как зовут того, кто сидит напротив на замшелом камне. Ей важно только одно: «Ты не замёрз?» И в ответ — доверчивая улыбка, от которой плавятся льдинки на ресницах.

Поэтому я оставил зайчика свободным.

Если ты, читатель, чувствуешь себя одиноким и ищешь настоящую любовь, без каких-либо ограничений и стереотипов, то зайчик станет для тебя символом этой любви. Той самой любви, которая приносит ощущение, что «всё важное уже рядом».

Мне не хотелось запираť эту историю в клетку Местимений. Мне хотелось, чтобы она сама нашла твоё сердце — и легла там, свернувшись клубочком, как зайчик на снегу. Чтобы ты мог (ла) подставить к ней своё лицо и прошептать имя того, кто для тебя — вся вселенная.

Так что, пожалуйста, не ищи в тексте подсказок. Их нет. Есть только пурга, лосось, озеро подо льдом и двое, которые

смотрят друг на друга так, будто от этого взгляда зависит погода на всей земле.

Дочитаешь — и, может быть, закроешь глаза. И тогда увидишь: кто-то уже сидит на замшелом камне, жуёт лосось и смотрит на тебя чёрными озёрами, в которых живут звёзды. И этот кто-то — твой. Твой зайчик в кудряшках. Тот, кого ты любишь. А больше ничего и не нужно.

Лунный горизонт

Есть в этой истории один образ, который не отпускает.

Это не линия на небе. Это место внутри тебя, где любовь перестаёт быть громкой и становится естественной, как дыхание леса. Как снег, который идёт сам собой. Как доверие, которое не нужно объяснять.

Зайчик в кудряшках живёт именно там — на стыке твоего сердца и чужого. И когда ты читаешь эти страницы, Лунный горизонт начинает светиться. Сначала слабо. А потом так, что уже невозможно оторваться.

Почему лосось — символ возвращения? Почему мох светится, если его гладить правильно? И зачем зайчику твои сомнения?

Ответы лежат не в сюжете. Они — в пространстве между строк. В том самом Лунном горизонте, куда ты сейчас шагаешь.

Автор, который когда-то тоже не знал, что любовь бывает такой — без «он» и «она», просто "мы" и с ямочками на всю жизнь.

Ты уже понял (а): зайчик в кудряшках свободен от рода. Но это только половина правды.

Вторая половина — вот такая. Этот текст — не описание событий. Это запись того, как человек учится чувствовать. Не просто любить — а быть в любви как в доме. Не просто смотреть — а видеть. Не просто дышать — а вдыхать другого так глубоко, что его запах остаётся под рёбрами навсегда.

Героиня, чей голос звучит со страниц, проходит через внутренний путь. В начале она замирает перед зайчиком, боясь его спугнуть и не зная, что сказать. Но с каждой страницей она обнаруживает в себе нежность, которой раньше не чувствовала. Она учится общаться с мхом, слушать шелест шишек и понимать язык замёрзшего озера. Превращаясь из наблюдателя в часть природы, героиня открывает в себе любовь к окружающему миру. Эта любовь, как принцесса в сказке, становится её путеводной звездой. Зайчик в этом контексте — это символ, через который героиня находит путь к счастью и пониманию истинной любви.

Так вот о чём на самом деле эта книга. Не о том, кто с кем сидит на камне. А о том, что истинные чувства меняют саму оптику души.

До встречи с зайчиком героиня возможно, жила обычной жизнью. Работа, заботы, холодные ночи в одиночестве. И мир для неё был... понятным. Предсказуемым. Скучным. Но когда в её жизнь вошло это пушистое чудо с ямочками на щеках — мир взорвался красками, звуками, смыслами. Ока-

зывается, в снежинках есть солёно-сладкий вкус. Оказывается, мох умеет светиться изнутри. Оказывается, ветер шепчет такие слова, от которых хочется жить вечность.

И это — чистая правда любого глубокого чувства. Когда мы любим — мы заново рождаемся. Мы начинаем замечать то, на что раньше не хватало времени или смелости. Мы становимся прозрачными, уязвимыми — и в этой уязвимости находим не слабость, а невиданную силу.

Так что, дорогой читатель, ты держишь в руках не просто сказку о зайчике. Ты держишь дневник превращения. Дневник того, как из одиночества вырастает близость, как из страха — доверие, как из обычного снега — волшебство.

И каждый, кто когда-либо любил по-настоящему, узнает здесь себя. Свою первую робкую улыбку. Своё желание протянуть руку и не отнимать. Своё «не надо красиво, ты просто будь».

Зайчик — это маяк. Но не только для неё. Он — маяк для тебя. Он показывает: внутри каждого из нас живёт тот самый тёплый свет, который способен растопить любую пургу. Просто иногда нужно время, чтобы заметить. И ещё один взгляд. И ещё одно утро, когда ты открываешь глаза и видишь: а вот оно, счастье. Свернулось клубочком у тебя под боком.

Поэтому не торопись. Читай эту историю так, как будто ты сам сидишь на замшелом камне. Вдыхай. Чувствуй, как где-

то внутри отзываются слова. И знай: всё, о чём здесь написано, уже живёт в тебе. Просто до сегодняшнего дня у этого чувства не было названия.

А теперь — есть. Оно называется «зайчик в кудряшках». И он — твой. Тот, кого ты сам (а) выбрал (а) сердцем.

Если после этой книги ты вдруг посмотришь на снег и улыбнёшься — значит, мы с тобой поняли друг друга без слов. А больше ничего и не нужно. Правда.

О милом зайчике в кудряжках

Я тебя нашла...

В ту ночь лунная пурга была не злой, а скорее задумчивой. Она почти не мела, лишь осыпалась сверху редкими, пушистыми хлопьями, которые не жалили, а нежно облипали кожу, таяли на ресницах солёно-сладкими слезами. Небо казалось аквамариновым — светлым, с примесью синего, словно кто-то развёл ночь в стакане родниковой воды. И в этом полупрозрачном мареве я впервые увидел тебя.

Ты сидел на замшелом камне у самой кромки застывшего озера — и в нём, в этом озере, отражались твои глаза. Такие же чёрные, глубокие, с живым мерцанием где-то на дне. Я подумала: если нырнуть в них, то уже никогда не выплыть — и не захочется.

Твои кудряшки — мягкие, словно только что распутившиеся папоротники — трепал ветер. Они то закрывали уши, то вдруг открывали их, и тогда ты смешно поводил одним ухом, прислушиваясь к пурге. А потом ты улыбнулся. И в этой улыбке было столько света, что даже лунная ночь показалась мне ярким полднем. Я увидела твои нежные зубки — с двумя острыми резцами, которые делали тебя похожим на маленького, но отважного лесного духа. А на щеках — вечно

румяных, как два лепестка дикого пиона — появились ямочки. Совсем крошечные, но в них, казалось, можно спрятать по капельке счастья.

— Ты не замёрз? — спросила я шёпотом, боясь спугнуть это видение.

Ты мотнул головой, а потом вдруг протянул мне что-то. Я наклонилась — это был кусочек лосося, янтарно-розовый, ещё хранящий прохладу реки.

— Это мне? — удивилась я.

Ты кивнул и так мило, так доверчиво засмеялся, что я понял: ты любишь рыбку. Особенно лосось. И делишься самым дорогим. В моей груди тогда что-то оборвалось и завязалось заново — более крепким, неразрывным узлом.

Мы сидели рядом, и пурга укутывала нас в свой мягкий кокон. Я смотрела, как твои кудряшки серебрятся от инея, как твои глаза тонут в тенях, то вспыхивают отражением моей собственной радости. И чувство, которое поднималось во мне, нельзя было назвать просто «влюблённостью». Это была искренняя, до боли нежная любовь. Та, что не требует ничего взамен — только видеть, как ты жуёшь свой лосось, как ямочки на щеках появляются и прячутся, как острые резцы мелькают в улыбке.

Может быть, однажды эта ночь забудется. Сотрётся под

тяжестью других ночей. Но я точно знаю: образ тебя — милого зайчика в кудряжках, с глазами-озёрами и вечно румяными щеками — останется в моей памяти навсегда. Как самый светлый, самый тёплый сон, который я когда-либо видел наяву.

И если вдруг ты спросишь меня через много лет: «А ты помнишь?» — я просто улыбнусь в ответ. Потому что такую любовь не забывают. Ею дышат.

Мы сидели молча. Я боялась дышать, потому что каждый выдох поднимал в воздух крошечные льдинки, и они, кружась, оседали на твоих кудряшках. Ты походил на ожившее облако, которое кто-то случайно украл у рассвета и посадил на этот камень среди зимы.

Пурга постепенно утихала. Луна выглянула из-за рваных туч и залила всё вокруг светом — не белым, а каким-то древним, голубоватым, будто вода в горном озере на закате. И в этом свете ты обернулся ко мне всем телом. Твои большие глаза теперь смотрели не вдаль, а прямо в меня. Я почувствовала, как что-то тёплое разливается под рёбрами — словно там, в груди, зажгли маленький, но очень упрямый фонарик.

— Расскажи мне что-нибудь, — вдруг попросил ты. Голос у тебя оказался тихим, чуть хрипловатым, как треск первого льда на реке.

Я растерялась. Что можно рассказывать зайчику в кудряшках, который ест лосося и улыбается так, что у него на щеках появляются ямочки? Разве есть слова, достойные такого слушателя?

— О чём? — спросила я.

Ты задумался. Покрутил в пальцах — нет, в лапках, потому что они были именно лапками, мягкими и пушистыми — кусочек замшелого мха. Потом посмотрел на меня и сказал:

— О любви.

Я тихо засмеялась, чтобы не спугнуть ночь.

— Но я же смотрю на неё прямо сейчас, — ответил я. — Зачем о ней рассказывать, когда она сидит напротив и жуёт лосось?

Ты замер. Резцы твои показались на мгновение — острые, белые, почти детские. А потом ты опустил глаза, и румянец на щеках стал гуще, темнее, словно кто-то добавил в акварель каплю вишнёвого сока.

— Так нельзя, — прошептал ты. — Нечестно.

— Что именно?

— Говорить такие вещи просто так.

Я наклонилась ближе. Снежинка упала мне на губу, и я сдула её. Ты поднял глаза — и в них, в этих ночных озёрах, я увидел себя. Маленького, растерянного, но бесконечно счастливого.

— Это не «просто так», — сказал я. — Это искренне. Я не знаю твоего имени. Не знаю, откуда ты пришёл и куда уйдёшь, когда закончится эта пурга. Но я знаю, что никогда не забуду, как ты делился со мной лососем. Как твои кудряшки пахнут мятой и снегом. Как у тебя дрожат ресницы, когда ты смущаешься. И если это не любовь — тогда пусть у всего в мире не будет названия.

Ты молчал долго. Так долго, что я уже испугалась — не сказала ли лишнего. Но потом ты вдруг взял мою ладонь в обе свои лапки. Они были холодными, но мягкими, как два кроличьих уха, которые решили согреть меня.

— Я тоже, — выдохнул ты. — Тоже чувствую. Только не умею так красиво говорить.

— Не надо красиво, — улыбнулась я. — Ты просто будь. А я буду смотреть.

И мы снова замолчали. Пурга улеглась окончательно. Луна повисла прямо над нами, и её свет стал густым, почти осязаемым — из него можно было бы шить платья для фей или зайчиков в кудряшках. Где-то далеко, подо льдом, вздохнула рыба. Может быть, лосось. Может быть, просто ветер.

Я знала, что эта ночь кончится. Что придёт утро, и снег растает, и, возможно, ты исчезнешь, как исчезают самые лучшие сны. Но пока ты сидел рядом, положив голову мне на плечо, а твои кудряшки щекотали мою шею — пока длилась эта минута, я была самым богатым человеком на земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.